

> ПОЭЗИЯ

Владимир ПЕТРЕНКО
Словесность

Вначале было слово.
Слово было вначале,
Родилось оно не готовым
К страху, любви и печали.
Откуда вдруг прилетело
Неведомое на пробу,
Когда не созрело тело
Даже у крохи микроба?
Слово само создавалось,
Себе выбирая правку:
На суффиксы распадалось,
На слоги и на приставки.
Потом на глаголы запало,
Забыв, что «глагол» – это слово.
И далее так зазвучало,
Что стало нуждаться в основе.
Зачем и к кому обратился,
Такой набирая разбег?
А просто нужда появилась,
Чтоб молвил его... человек.

Яна ГАЛИЦКАЯ

Я позову печаль

Я позову в свой дом печаль
Ночной порою ранней,
Пусть будет вновь гореть свеча
За Млечными мирами.

Прохладу дня я отпущу
Лететь к рассветам ясным
И миру многое прощу,
Наверно, не напрасно...

И каждый день, и каждый час
Я буду помнить встречу,
Которая связала нас,
Мне кажется, навечно...

Судьбе чужой я подарю
Кусочек вдохновенья,
Чтоб одолжить ее зарю,
Пусть даже на мгновенье.

Я позову к себе покоя
И все закрою двери,
Чтоб вновь подняться высоко
Над облаком потери.

Галина ЛАХМАН

Быть одинокой

Мне абсолютно все равно:
Где быть безмерно одинокой,
Куда каким несет потоком,
Какой земли питаться соком,
Пить влагу из каких истоков,
Что есть, где спать,
с кем пить вино...

Мне абсолютно все равно,
Как быть безумно одинокой,
Чужих не принимать уроков,
Судьбе не рассыпать упреков,
Тягаться силой с злобным роком,
Под шорох фишек в казино...

Мне абсолютно все равно,
С кем быть безумно одинокой,
Пить с волокитой синеоком
Или с поэтом хромоногим
Вести беседы о высоком,
Что нам дано, что не дано...

Последняя история

> Он поехал на рыбалку и растаял в пространстве



КОЛПАК > ОЛЬГА ГАБРИЛОВА

СНАЧАЛА ОН БЫЛ как все. Можно даже сказать, лучше – коммуникабельность так и перла из него ключом. Весельчак, заводила и душа всех компаний, инициатор различных как серьезных решений, так и розыгрышей.

Но однажды все изменилось. Все вокруг вдруг заметили, что он начал куда-то сильно торопиться. Как будто его кто подгонял. Он стал рано вставать, поздно ложиться... Если что-то не выходило, ужасно расстраивался. Однако было редкостью, когда задуманное им в конце концов не получалось.

Да, по отношению к внешнему миру он изменился. Как такового, он его не замечал. Можно даже сказать, что окружающая среда ему мешала. Он проходил мимо хорошего, мимо плохого и, подобно чеховскому человеку в футляре, жил в своем замкнутом, неведанном никому мире. Было такое впечатление, что он знает несколько больше, нежели другие. Этаким снобизм, поведение мизантропа чувствовались на расстоянии. Во всяком случае, общество так поняло его настроение. И в итоге оставило его в покое.

Кроме других дел, которые, благодаря его усилиям и настойчивости, поддались ему легко, этот человек в последнее время занимался еще и литературными работами. Казалось, он давно забыл и растерял свои листочки с первыми рассказами, написанными им в мучительных поисках найти свое я в писательском мире. Но, однако, они сохранились. Прочитав все записи, отверженные в свое время редакциями, критиками, местными писателями

и даже им самим, он собрал их в одну большую стопку, и стал их править: выкидывать, зачеркивать, писать новое... Он торопился. Очень торопился. Все получалось.

И откуда что взялось! Фантазия, знания, накопленный жизненный опыт – все работало. В конце концов набралась огромная стопка рукописей. Для Писателя это было огромное богатство. Он никогда не думал, что можно держать в руках столько мыслей, идей, красивых и некрасивых историй, подаренных однажды ему жизнью и его умом. Потом в таком же авральном темпе он начал «вычищать» и размножать

свои работы. И никто уже не удивлялся, когда он не отвечал на звонки, не открывал двери, будучи дома. А если и открывал, то и это ни к чему не приводило, кроме как к общению с затылком одержимого своей работой трудогилика, потому что он тут же усаживался за свои магические записи и ничего кроме них уже не замечал.

Когда этот человек закончил свою работу, он разослал рукописи в редакции, местным литераторам и эстетам. Это было последнее, что он успел. Как будто за сим движением определился его последний рубеж. Потом Писатель сразу исчез! И при странных обстоятельствах. Соседи рассказывали

позднее милиции, да и другим заинтересованным лицам: взял резиновую лодку, удочки, сел на свой старенький «Москвич» и поехал, вроде как на рыбалку. И не вернулся. Нигде его не нашли... Как Сент-Экзюпери: улетел на своем самолете и растаял в пространстве. Вот так же и тут... И только тогда окружающие поняли, куда торопился этот чудак. За ним шла смерть! А труды его были как

одно большое, странное и в то же время красивое прощание. Грустное, трепетное, безнадежное... Каждой буквой, каждым словом, предложением в любом из его сочинений он чувствовал ее приближение. Страшная черная неизвестность была где-то рядом. Он видел ее, прикоснулся к ней и даже, наверное, спорил и отталкивал. А она все гнала его и гнала: «Давай, давай! Быстрее! Я скоро тебя заберу!» И, наверное, рассказывала ему разные истории: о людях, о земле, о жизни – той, что была, и той, что будет... но уже без него. А он, как ни странно, благодарил ее в своих произведениях. Благодарил за сюжеты, которые она ему дарила, за каждый лишний день, за каждый миг, вздох, предоставленный ему, и никому никогда не рассказывал о своем магическом общении и страшном предчувствии. И только спешил... Спешил закончить все дела на этой земле, чтоб оставить после себя хоть какой-нибудь след. Он, будто путешественник, пилигрим неизвестных дорог, искал свое пристанище, свое истинное место в жизни, в людях, в рассказах. Однако пропал...

Пропал обыкновенно – в забвении и одиночестве. Для писателя, для настоящего писателя, это нормальный вариант – писать в стол и оставаться при этом в живых.

Его произведения до адресата, конечно, дошли. Написанные под страшную диктовку, они поправились своим странным слогом и нестандартностью мышления как литературному бомонду, так и критикам. Но не более того...

Дальше дело не пошло. Все как-то остановилось, забылось и успокоилось. Для издания книги требовались деньги, спонсоры, организаторские подвиги. Ничего этого не было. Да и кто он такой? Неизвестный самоучка без роду, без племени. Даже специального образования нет – а ведь так не бывает. Рукописи затирались, терялись и в конце концов были выкинуты техниками, надоев своим мятым, и уже далеко непотребным видом...

Хорошо, что Писатель умер. Он так и не увидел свою последнюю историю. Историю с мусорной корзиной и забытыми в ней никому ненужными сочинениями

АНДРЕЙ КУДИНОВ

Гордо реет заголовков!

> Мелешинский вымпел на боевом корабле

Я ОБРАЩАЮСЬ к 12 и 13 страницам субботнего, за 29 мая, номера «ММ». Что их объединяет? На первый взгляд, ничего. Поэзия и проза, разное время действия, несравнимые опыт и возраст авторов...

Но вот читаем Дениса Коновальчика. Первым в подборке «Стих грача» – чистый импрессионизм, совершенно невесомые прозрачные строфы, которые не надо заучивать, они запоминаются

сами собой. Не ставлю цель рецензировать стихи поэта Коновальчика, но просто обязан упомянуть о социальной нагрузке, которую, опять же, без натуги они несут: «...Но резьбу-то ведь когда-нибудь сорвет?»

Подборка озаглавлена многозначно и философично: «На неосвященной стороне». Вот я, наконец, подхожу к внутренней связи соседних полос, которую можно объяснить только особенностями мышления и основательностью школы магнитогорских литераторов, прежде всего поэтов. Заголовки!

Редакция «Магнитогорского рабочего» находилась в двух шагах от его дома, и Станислав Мелешин бывал у нас в «МР» практически каждый день. В общем-то он был веселый человек, смеялся шуткам и анекдотам. Но постоянно в его глазах таилась глубокая, неизбывная грусть...

Николая Павловича Воронова я видел в те годы лишь однажды, но счел неудобным подойти представиться. Меня не могла не удивить какая-то внутренняя схожесть этих классиков советской литературы.

Наверное, поэтому эти два имени всегда соседствовали в моем сознании. И мемуары, публикуемые сейчас в «ММ», имеют потрясающий при всей простоте и беспардонности заголовок: «Истина о самом себе».

С Мелешиним я познакомился в 60-х, когда в журнале «Смена» из номера в номер печатался его роман «Гром спит в колоколах». Когда мы познакомились со Станиславом Васильевичем, я спросил: как удается ему находить такие емкие, звучные

заголовки? Станислав Васильевич рассмеялся в ответ:

– Я не считаю, что заголовок должен быть сильно привязан к тексту. Но он должен быть гораздо лучше текста – это точно! Это как вымпел на гроте боевого корабля!

...Станислава Васильевича похоронили воскресным днем в период майских торжеств 1984 года. Было ему 56 лет. На похоронах, насколько помню, никто из официальных лиц Магнитогорска не присутствовал.

Несколько лет в годовщину смерти вдова Мелешина Нина Тихоновна, отмечая скорбную дату, приглашала друзей писателя из журналистского цеха – Габдуллу Ахметшина, Георгия Тихонова, Юрия Балабанова, автора этих строк...

РАИФ ШАРАФУДИНОВ,
заслуженный работник культуры РФ

> Пробовать писать должны тысячи, чтоб хоть один стал писателем. Василий ШУКШИН